

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора философских наук

Розова Николая Сергеевича на диссертацию

Ивановой Натальи Александровны

«Наука как социальная практика и ее габитуальное основание»,

представленную на соискание ученой степени доктора философских наук

по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания

в диссертационный совет Д. 212.267.01, созданный на базе

федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования

**«Национальный исследовательский Томский
государственный университет»**

Актуальность диссертационного исследования Н. А. Ивановой обусловлена релевантностью темы проблемам переднего плана философских и социальных исследований науки. Автор исходит из того, что основной областью затруднений современного анализа науки является разрыв между сложившимися трактовками науки, с одной стороны, и формирующейся ориентированной на практику парадигмой, с другой.

В настоящее время аспект действия все чаще рассматривается как первичный способ человеческого существования. По мнению автора диссертации трактовка науки как социального института предполагает субстанциональное существования социальных норм, ролей и систем ценностей, не учитывает субъективный вклад в процесс социального производства, игнорирует значимость ритуализации субъективных действий для формирования институтов.

Диссертант считает, что идея социальных практик позволяет избежать дилеммы платонизма и социологизма, вобрать в современный анализ науки сильные стороны последнего, сохранив при этом эпистемологическую направленность философского анализа науки. Таким образом, заявленная диссертантом проблематика и предлагаемый способ ее решения соответствуют актуальному состоянию философского и социально-гуманитарного знания.

Формулировка объекта, предмета, цели и задач адекватны теме диссертации. Так основным объектом исследования является социальная природа науки, предметная сторона которого обозначена как особенности и субъектное основа-

ние научной практики. Реализация поставленной цели (концептуализация науки как социальной практики) осуществляется посредством решения четырех основных задач (выявление теоретико-методологических оснований, позволяющих концептуализировать науку как форму социальной практики; установление особенностей научной практики, релевантных современному социально-гуманитарному знанию о науке; выявление габитуального основания познания и практики посредством экспозиции идеи габитуса в социально-гуманитарной науке; обоснование введения в анализ субъектности науки понятия «научный габитус» и описание габитуального основания научной практики).

Методология исследования Н.А.Ивановой базируется на идеях и подходах философии и социологии науки, социальной эпистемологии, современной социальной теории и психологии. Общей методологической основой диссертационного исследования выступает междисциплинарность, позволяющая осуществить рецепцию идей социально-гуманитарных наук в область философской рефлексии над наукой.

Структура и содержание диссертации. Структура работы в полной мере реализует общие принципы построения докторских диссертационных исследований и состоит из введения, четырех глав, которые включают в себя 16 параграфов, заключения и библиографического списка.

Первая глава «Теоретико-методологические основания изучения социальной науки» в концептуальном плане задает возможность интерпретации науки как социальной практики. Диссертант утверждает, что марксистская идея социальных практик сохраняет свое значение не только в современных социальных теориях в форме общей теории праксиса, но и является итоговым результатом эмпирических исследований науки. При этом речь не идет о возврате к экономическому детерминизму, различным формам функционализма или редукционизма. Согласно позиции автора диссертационного исследования, именно представители современной социальной теории посредством понятия «социальные практики» реализуют теоретический синтез понимания социальных феноменов как систем или структур, с одной стороны, и действий или взаимодействий, с другой, преодоле-

вая тем самым оппозицию объективистских и субъективистских установок и закладывая теоретико-методологические основания трактовки науки как формы социальной практики.

Вопреки представлениям о том, что социальные исследования лабораторий сосредоточены в основном на анализе научной повседневности и не содержат в себе каких-либо обобщений, диссертант делает акцент на тех выводах представителей лабораторных исследований, которые способствуют построению социальной эпистемологии. На примере анализа работ Б. Латура показано, что вопрос о том, что такое общество, становится центральным в социальных исследованиях науки и технологии (С. 73-74). Если в сильной программе социологии знания общественное противопоставлялось природному и материальному, выступая синонимом культуры, то анализ научных лабораторий расширяет значение социального, так как в него включается как интеллектуальное, так и материальное, в результате чего социальная природа науки трактуется широко как взаимное определение природного и культурного.

Анализ поворота социальных наук к материальному позволил Н.А. Ивановой продемонстрировать отказ социальной науки от отождествления человеческих интеракций с символическим и признание того, что вещи встроены в цепочки интеракций, они в качестве действующих участников обеспечивают им связность.

На первый взгляд диссертационное исследование Н. А. Ивановой представляет собой пример реализации стратегии «социологизации» философского понимания науки. Однако этому препятствует предлагаемый *во второй главе «Наука как социальная практика»* ответ на основной вопрос исследования: каковы особенности научной практики. Его основу составляет обобщение наиболее значимых и дискуссионных тем современного философского анализа, таких как повседневность, телесность, контекстуальность, конструктивизм, рациональность и др.

В то время как научная повседневность проявляется в привычных и ритуализированных действиях, фоновый характер научной практики означает невозможность ее полной кодификации и опровергает представление о том, что при-

кладные исследования есть производные от научных теорий, т. к. значительная часть того, что ученые знают о своей деятельности, поддерживается и реализуется на уровне практического действия. Утверждение о том, что научная практика имеет телесность и материальность, означает, согласно позиции диссертанта, во-первых, отказ от оппозиции тела и духа и признание их сопряженности в форме телесного сознания, во-вторых, учет того обстоятельства, что пределы научного творчества задаются не только силой символического воображения, но и характеристиками самих вещей, их материальной природой. О телесной и материальной природе научной практики свидетельствует и контекстуальность, понимаемая Н.А.Ивановой как локализация научного производства в пространстве и времени.

При анализе конструктивной природы научной практики, обусловленной сущностным единством знания и действия, наиболее перспективной, по мнению диссертанта, представляется позиция конструктивного реализма, снимающая традиционное противопоставление онтологического реализма и эпистемологического конструктивизма. Научное познание тем самым становится событием в реальном мире.

Открытое Дж. Остином свойство некоторых языковых выражений – перформативность, Н.А. Иванова трактует ее как особенность научной практики, тесным образом связанную с конструктивностью, и демонстрирует это на примере экономических и социальных наук, а также прикладных исследований. Утверждение о перформативном характере научных практик косвенно свидетельствует об отказе придавать истинностную оценку процессу научного производства, т. к. наука в этой концепции представляет собой не пропозициональное содержание, а исполнение действий (своего рода перфоманс).

Отождествление рефлексивности научной практики с рациональностью представляется наиболее спорным моментом описываемого этапа исследования. Рациональность как форма рефлексии представлена в исследовании Н. А. Ивановой в двойной форме: как мышление о мышлении и как осмысление всего многообразия субъектного основания научной практики. Общим итогом второй главы является образ науки, отличный от ее трактовки как деятельности, направленной

на объективное знание и поиск закономерностей, и одновременно отличный от ее понимания как социального института, характеризующегося статусами и ролями.

Вопреки стратегии «разоблачения неадекватности», характеризующейся отказом признавать существование денотатов ключевых концептов современной социальной теории, Н. А. Иванова в третьей главе *«Габитуальное основание познания и практик»* ставит задачу обнаружить обращение к габитуальным основаниям познания и практик в философской традиции и современной социально-гуманитарной науке. В то время как разум, природа, различные аффекты и принуждения в качестве оснований человеческой деятельности являются традиционными предметам философского анализа, привычка или габитус лишь в настоящее время, отчасти под влиянием актуальности проблемы следования правилу и общей тенденции социологизации гуманитарного знания, начинают привлекать внимание исследователей. В связи с этим, сама по себе экспозиция философских контекстов обращения к роли и значению габитуальных форм может быть оценена как инновационный результат данного этапа диссертационного исследования. Итогом демонстрации различных способов обращения к понятию «габитус» является вывод об эвристическом потенциале его использования при анализе субъектного основания научной практики. Обращение к габитусу, по мнению диссертанта, позволяет отказаться от увлечения поиском антропологических структур, существующих вне пространства и времени. На первый план выдвигается интенциональная неоднородность, свойственная субъектам социальных практик.

Предлагаемая диссертантом в четвертой главе *«Габитуальное основание научной практики»* трактовка субъектного основания науки посредством идеи научного габитуса может быть определена как совмещение концептуальных перспектив идеи габитуса и диспозиционного подхода, но не в «наивной» форме, когда диспозиции трактуются как атрибуции (объективные свойства вещей), а как качества и поведенческие стратегии, раскрывающие себя в ситуационном контексте. Такое понимание субъекта научной практики не позволяет рассматривать его ни как ансамбль общественных отношений («детерминированный субъект»), ни как свободного трансцендентального субъекта. Предлагаемая Н. А. Ивановой

трактовка научного габитуса как целостной системы диспозиций, во-первых, подчеркивает связь между действиями субъекта и социальными структурами, во-вторых, означает отказ рассматривать когнитивные диспозиции как ведущий фактор в отношении поведения, ценностей и эмоций, в-третьих, создает цельный и одновременно неоднородный образ субъектного основания научной практики. Как результат познавательная установка на поиск истины оказывается совместимой с решением практических задач и установкой на принятие определенных утверждений (т.е. верой), а научные коммуникации не исчерпываются когнитивным и нормативным содержанием, а содержат в себе эмоциональные и поведенческие компоненты. Идея «научного габитуса» носит характер гипотетического предположения, однако диссертант претендует на новые возможности операционализации, позволяющей осуществить эмпирическую проверку предлагаемого теоретического концепта.

Положительно оценивая в целом представленное соискателем диссертационное исследование, выскажем следующие **замечания** и пожелания.

1. Диссертант берет в качестве «руководства к действию» практическую перспективу анализа науки, но не объясняет, что ее не удовлетворяет в уже наработанных подходах, например, в классической концепции научных исследовательских программ (И.Лакатос), которая одна из очень немногих науковедческих моделей реально почитается и используется самими учеными.
2. Главный тезис диссертации «наука есть особая социальная практика» представляется очевидным, если практика понимается широко. Сугубо абстрактные исследования в фундаментальной математике и теоретической физике, разумеется, также относятся к социальной практике, поскольку включают взаимодействия, коммуникацию, мышление с помощью языка и понятий как общественного достояния, чтение и публикацию научных трудов и т.д. Вместе с этим, критика понимания науки как института не является убедительной, поскольку основывается на слишком узком и ригидном понимании социального института. На самом же деле ничто не мешает соединить институциональные позиции, нормы, взаимодействия и с практиками, и с ритуализованностью, и с габитусами.

3. Принятый в диссертации гегельянский и марксистский язык «снятия противоречий», «единства объективного и субъективного» никак не проясняет существа дела и производит впечатление пустых церемониальных формул.

4. Не понятно, как результаты исследований научных лабораторий вообще могут стать «теоретико-методологическими основаниями концептуализации науки», поскольку лабораторная наука — это лишь малая часть современной науки, включающей также сугубо теоретические и абстрактные разработки (математика), полевые исследования (геология, этология животных, ботаника, культурная антропология, социология), работу с численными и иными данными (экономика, демография, политология), наблюдения (астрономия), работу с текстами (филология, лингвистика) и т.д. Вообще, складывается впечатление, что под «наукой» диссертант имеет в виду только 'sciences' то есть естествознание, причем в узкой лабораторной ипостаси. При этом широковещательные выводы делаются о всей науке.

5. Положение 3 сформулировано неудачно и может быть воспринято как набор трюизмов, общих мест, очевидностей, которые не могут быть опровергнуты, но ничего и не добавляют к самым тривиальным представлениям о науке. Занятия наукой повседневны, в ней значимы интуитивные, неформализуемые представления и умения («фоновость»), все исследования проводятся в пространстве и времени, в каких-то странах и регионах, для занятий наукой нужна координация навыков, умений, самых разных компонентов, наука и едина, и имеет многообразие форм. Возразить нельзя, но зачем такие положения защищать? Единственный нетривиальный тезис в п.3 касается «рефлексивности», но он весьма смутный, включающий весьма экстравагантные дефиниции. Рефлексивность почему-то вдруг оказывается «системой диспозиций» и «формальной характеристикой научной практики». Потом все-таки выясняется, что рефлексивность — не сама диспозиционная система, а ее осознание, что ближе к стандартному пониманию термина. Утверждение, что именно в современных условиях рефлексивность необходима и актуальна (будто раньше была не нужна и не актуальна), основывается в работе только на степинском понятии «постнеклассической» науки (с.145), но это «основание» отнюдь не достаточно.

6. Несмотря на внушительный обзор трактовок понятий «габитус» и «научный габитус», показывающий действительную широкую эрудицию автора диссертации, ни в ее тексте, ни в тексте автореферата не удалось найти четкого перечня особенностей именно научного габитуса. Верные указания на разные стили и типы научного мышления, опять же детальный обзор их обсуждения в литературе, не восполняют отсутствующую в работе типологию научных габитусов, которую ожидает читатель.

7. Положение 5 с утверждением «научный габитус как совокупность диспозиций представляет собой систему, обладающую целостностью, структурностью, взаимозависимостью от внешней среды, иерархичностью и множественностью» не является особенно содержательным и продуктивным, поскольку все сложные системы обладают такими качествами. Зачем нужен такой тезис «доказывать» — так и осталось непонятным.

8. Сомнительна оправданность выделения «научного лингвистического габитуса». Если уж «габитус» выражает настолько целостную систему, как утверждалось на десятках страниц диссертации, то должен охватывать также речевую способность, речевые действия, владение языком, в том числе, специфическим научным языком. Поэтому более резонно говорить о языковом, или лингвистическом, аспекте научного габитуса.

9. Первое утверждение п.7, суть которого в том, что ценности ученого проявляются и в его практике и в дискурсе, вполне тривиально. Выделяемый далее «моральный габитус», подобно лингвистическому также является лишь аспектом габитуса как сложной системы установок (диспозиций). Непонятным остается, почему только университету принадлежит особая роль в этой сфере. В России (как и в Германии, в некоторых других странах) до сих пор основные научные исследования проводятся в НИИ. Может быть, автор считает, что НИИ играют существенно меньшую роль в формировании, поддержании «моральных габитусов» ученых, чем университеты? Тогда нужны обоснования такого тезиса, но в работе их нет.

10. В целом, работа, претендующая на междисциплинарный синтез (философия, науковедение, социология, антропология, психология и др.) оставляет впечатление некой схоластичности. Верно в диссертации говорится о значимости национальной специфики науки, но дальше общих за-

явлений дело не пошло. Так, современная реальность российской науки включает продолжающуюся реформу РАН, бурные дискуссии и конфликты, связанные с ней, появление и деятельность ФАНО, новые системы отчетности и нормирования, оценки труда научных сотрудников, проводящиеся и ожидаемые слияния, сокращения, прочие «новации» и «оптимизации». Разумеется, автор не обязан в рамках своей темы слишком много внимания уделять этим темам. Но неужели они никакого отношения не имеют ни к научной практике, ни к научному габитусу, ни к моральному габитусу, ни к повседневности науки? Очевидно, имеют. А значит, обращение к этим реалиям в контексте обсуждаемых автором абстрактных тем только украсило бы работу, сделало бы ее гораздо более ясной, актуальной и интересной. Увы, этого не произошло.

Отметим, что сделанные замечания не отменяют положительной оценки проведенного исследования в целом.

Научно-теоретическая и практическая ценность работы Н. А. Ивановой определяется актуальностью проблематики исследования и состоит в том, что разработанные в нем положения расширяют сферу возможных подходов анализа науки, способствуют преодолению одностороннего рассмотрения науки в духе платонизма или социологизма, развивая практическую парадигму в изучении науки, а также вносят вклад в совершенствование вузовских программ учебных дисциплин философской направленности. Результаты исследования могут стать основой эмпирического изучения специфики различных форм научных практики.

Текст автореферата адекватно представляет основное содержание диссертации. Язык и стиль диссертации академичен, содержит корректные ссылки на работы и понятийный аппарат представителей философской и социально-гуманитарной науки, что свидетельствует о реализации стратегии сохранения и сбережения накопленного знания. Содержательная сторона работы обладает новизной. Следует отметить обоснование необходимости концептуализации науки как социальной практики, выявление особенностей научной практики; раскрытие содержания понятий «научный габитус», «лингвистический габитус науки», «моральный габитус науки». О личном вкладе Н. А. Ивановой в постановку проблемы, формулировку цели и задач, выбор методологии, разработку полученных результатов свидетельствуют опубликованные монографии, статьи и тезисы. Следу-

ет обратить внимание на широкий круг источников, которые составили библиографический аппарат диссертации.

Диссертация «Наука как социальная практика и ее габитуальное основание» соответствует паспорту специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания, так как направлена на разработку социальной эпистемологии – формы теории познания, осуществляющей содержательную и дисциплинарную интеграцию философии и социологии в анализе социальных аспектов производства и функционирования научного знания, и отвечает требованиям ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации к докторским диссертациям в пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор Иванова Наталья Александровна заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания.

Официальный оппонент:

Ведущий научный сотрудник сектора социологии науки и образования
Института философии и права Сибирского отделения РАН
доктор философских наук, профессор

Н. С. Розов

Подпись удостоверяю:

Ученый секретарь ИФПР СО РАН

«15» 02 2016 г.

Е. В. Покасова

Адрес: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8.

тел.: (383) 363-43-33,

эл. адрес: <http://philosophy.nsc.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии и права Сибирского отделения РАН